

Лемиш В.В. Социально-психологические аспекты представлений Цицерона о культуре старения

English version: [Lemish V.V. Socio-psychological dimensions of the Cicero's views on the culture of ageing](#)
Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, Омск, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Проведен социально-психологический анализ трактата М.Т.Цицерона «О старости». Показано, что уже в эпоху античности философом были выделены две формы старения: адаптивная и дезадаптивная, описаны проявления этих форм старения, а также определены факторы, влияющие на их формирование. Таковыми являются – отношение общества к старикам, характер межпоколенных отношений, активность и ответственность самого человека за образ жизни в старости. Очерчены задачи личностного развития в период старения. Выделены также три социальных уровня проявления геронтокультуры: макро-, мезо- и микроуровень.

Ключевые слова: геронтокультура, формы старения, социальные факторы старения, задачи личностного развития в период старения

Трактат «О старости» римского политика, оратора и философа Марка Туллия Цицерона (Marcus Tullius Cicero, 106–43 гг. до н.э.) относится к высшим достижениям античной мысли. С тех пор прошло уже более двух тысяч лет, но положения Цицерона звучат очень современно. С психологической точки зрения ценность данного трактата также и в том, что он написан в последние годы жизни философа (ему было тогда 62 года), отражает проблемы, которые его волновали, и носит во многом рефлексивный характер. Иначе говоря, размышления о старости связаны с потребностью Цицерона самому осмыслить свой возраст. Хотя Цицерон ведет повествование от лица «старика Марка Катона», прожившего 85 лет, но сам автор отмечает, что он использовал этот прием для большей убедительности и в трактате излагает *свои* мысли о старости. Таким образом, суждения о старости у Цицерона основаны как на наблюдении, так и на самонаблюдении.

В своем трактате Цицерон обращается к следующим проблемам старости и старения:

1. сущность возрастных изменений в старости;
2. формы старения и их проявления;
3. факторы, влияющие на формирование того или иного типа старения;
4. смысл жизни и задачи развития в период старения.

Цицерон отмечает, что старость – это закономерный процесс, неизбежный закон природы. И она, как и другие возрастные периоды, имеет свое назначение, свой смысл, и как каждый возрастной период имеет свои ресурсы: «...ведь трудно поверить, чтобы она (природа – *В. Л.*), разграничив прочие части жизни, могла, словно она – неискusный поэт, пренебречь последним действием» [Цицерон, 1999, с. 10]. В связи со сказанным следует сослаться на хронологию возрастов жизни в Древнем Риме. В частности, отрочество считалось длящимся до 17 лет – до получения тоги взрослого, молодость – до 46 лет, а после 46 лет начинался уже преклонный возраст. В 60 лет, по представлению римлян, начиналась старость.

Однако Цицерон ставит проблему соответствия между хронологическим, психологическим и социальным возрастами. «Впрочем, – пишет он, – определенной границы для старости нет, и в этом состоянии люди полноправно живут, пока могут творить и вершить дела, связанные с исполнением их долга, и презирать смерть» [Цицерон, 1999, с. 50]. Иначе говоря, возраст не определяется количеством

прожитых лет. Его индикаторами являются выполнение социальных ролей, психологические особенности человека, его образ жизни в целом.

Как и в современном обществе, в Древнем Риме превалировали негативные стереотипы старости. В своем трактате Цицерон следующим образом обрисовал этот устоявшийся пессимистический образ: она отстраняет нас от активной жизни, ослабляет физические силы, лишает чувственных удовольствий, приближает смерть. В своем трактате Цицерон последовательно отвергает все четыре главные обвинения старости, показывая, как связанные с ней утраты оборачиваются преимуществами.

Свои доказательства он строит на противопоставлении двух форм старости: позитивной – достойной, разумной, мудрой, приносящей удовлетворение – и негативной: жалкой, воспринимаемой как тяжкое бремя, неразумной, глупой. В современной психологии эти формы старения обозначаются, соответственно, как адаптивная и дезадаптивная [Анцыферова, 2006; Краснова, 2006].

Какие же качества и какие их проявления (признаки) характерны для этих форм? С точки зрения Цицерона, для достойной старости характерны мудрость, дальновидность, доброта, трудолюбие, усердие, настойчивость, использование всех своих ресурсов (способностей, знаний, опыта) на благо общества, сдержанность и уживчивость в общении, стремление передать опыт младшим поколениям, участие в жизни общества, достойная личная жизнь, постоянное стремление к саморазвитию, рефлексия, самоирония, отсутствие страха смерти, оптимистичный настрой и удовлетворенность жизнью. Именно такая старость пользуется почетом и уважением.

Негативная форма старости характеризуется скупостью, ворчливостью, жестокостью, сумасбродством, глупостью, ленью, расслабленностью, унынием, пессимизмом, неудовлетворенностью общением с младшим поколением, своим положением в обществе и жизнью в целом, страхом смерти. Такая старость вызывает у окружающих презрение, а в более отдаленной перспективе – страх старости.

Большинство личностных особенностей у пожилых людей, с точки зрения философа, не являются собственно возрастными, а являются продолжением тех черт, которые были в молодости. «Но помните, что я во всех своих рассуждениях прославляю только такую старость, которая зиждется на том, что было заложено в юности» [Цицерон, 1999, с. 45]. При этом определяющими являются интеллектуальные усилия и следование нравственным нормам.

Безусловным достоинством трактата Цицерона является то, что он не просто описал две формы старения, но и выделил факторы, определяющие формирование обеих его форм. В самом общем виде эти факторы таковы:

1. отношение общества к старикам;
2. характер межпоколенных отношений;
3. активность и ответственность самого человека за образ жизни в старости.

Следует отметить, что проблеме отношения общества к людям старшего поколения в трактате уделено не так много внимания, поскольку Цицерон был убежден, что уважительное отношение к старикам определяется не возрастом и даже не социальным статусом, а их делами, стилем общения, нравственным обликом: «...ни седина, ни морщины не могут вдруг завоевать себе авторитет; но жизнь, прожитая прекрасно в нравственном отношении, пожинает последние плоды в виде авторитета» [Цицерон, 1999, с. 45].

Эта мысль очень ярко представлена в диалоге Лелия и Катона Старшего:

«Лелий: Но, быть может, кто-нибудь мог бы сказать, что тебе, ввиду твоего могущества, богатства и высокого положения, старость кажется более сносной, но что это не может быть уделом многих.

Катон: Это, конечно, имеет некоторое значение... но далеко не в этом дело... с одной стороны, при величайшей бедности старость даже для мудрого быть легкой не может; с другой стороны, для человека, лишенного мудрости, она даже при величайшем богатстве не может не быть тяжелой... Поистине самое подобающее старости оружие... – это науки и упражнения в доблестях, которые –

после того как их чтили во всяком возрасте – приносят изумительные плоды после долгой и хорошо заполненной жизни, и не только потому, что они никогда не покидают человека в самом конце его жизненного пути (хотя – это самое главное), но также и потому, что сознание честно прожитой жизни и воспоминание о многих своих добрых поступках очень приятны» [Цицерон, 1999, с. 11–12]. Таким образом, материальное благосостояние старого человека важно, но не является определяющим в характере старения. Адаптивность старения во многом зависит от образа жизни на предыдущих жизненных этапах. При этом определяющими, как уже отмечалось, являются интеллектуальные усилия и следование нравственным нормам.

Вместе с тем в другом месте трактата Цицерон пишет о том, что уважительное отношение к старости неотделимо от социального положения людей старшего поколения в обществе: «Ведь старость внушает к себе уважение, если защищается сама, если охраняет свои права, если не перешла ни под чью власть, если она до своего последнего вздоха главенствует над окружающими ее близкими» [Цицерон, 1999, с. 28–29]. Иначе говоря, социальный статус старого человека также важен.

С точки зрения Цицерона, отношение к старикам является показателем культуры общества в целом. Философ приводит следующий пример: «Лакедемон – самая почетная обитель для старости: нигде не относятся к преклонному возрасту с таким вниманием, нигде старость не окружена большим почетом. Более того, по преданию, в Афинах, когда один человек преклонного возраста пришел в театр, переполненный зрителями, то его сограждане не уступили ему места; но когда он приехал в Лакедемон, то те, кто как послы сидели на предназначенных для них местах, говорят, все встали и усадили старика вместе с собою; ... после бурных рукоплесканий всех собравшихся один из послов сказал, что афиняне правила поведения знают, но следовать им не хотят» [Цицерон, 1999, с. 45–46].

Цицерон оправдывает или по крайней мере с пониманием относится к некоторым негативным чертам старых людей. «Но старики, скажут мне, ворчливы, беспокойны, раздражительны и трудны в общении, а если приглядеться к ним, то и скупы. Это недостатки характера, а не старости. Впрочем, ворчливость и те недостатки, какие я назвал, еще как-то заслуживают оправдания, не по всей справедливости, но такого, какое, по-видимому, можно принять: старики думают, что ими пренебрегают, что на них смотрят сверху вниз, что над ними смеются; кроме того, по своему слабосилию они болезненно воспринимают всякую обиду. Но все эти недостатки смягчаются добрыми нравами и привычками...» [Цицерон, 1999, с. 46]. Иначе говоря, некоторые негативные проявления старых людей могут быть реакцией на неуважительное отношение к ним в обществе.

Философ упоминает о законах и установлениях, которые освобождают пожилой возраст от непосильных обязанностей [Цицерон, 1999, с. 27] («римские граждане, достигнув 46 лет, увольнялись с военной службы и переходили в старший разряд своей центурии» [Цицерон, 1999, с. 440]). Таким образом, уже в Древнем Риме существовал возрастной ценз на некоторые виды деятельности. Цицерон видит тут определенную опасность, поскольку официальное освобождение от дел может не только отстранить человека от выполнения непосильных дел, но и от дел, ему посильных, что ускоряет разрушительные процессы старости. Ведь дезадаптивная старость характерна для «старости праздной, ленивой и сонливой» [Цицерон, 1999, с. 28].

По-настоящему уважительное отношение к людям старшего поколения Цицерон видел и в том, что в Лакедемоне высший совет был назван «сенатом», а высших магистратов называли «старцами» («имеется в виду герусия, в которую входили граждане не моложе 60 лет» [Цицерон, 1999, с. 436]). Иначе говоря, уже в период античности есть примеры, когда использование ресурсов пожилых (мудрость, опыт, дальновидность) людей проявляется на макросоциальном уровне. И это способствовало закреплению в общественном сознании понятия «старец» в качестве основания для соответствующего почетного звания.

Таким образом, возможны следующие обобщения. Во-первых, уважительное отношение к старшему поколению является показателем уровня культуры общества, во-вторых, уважительное отношение создает психологический комфорт для стариков и является одним из важных условий благоприятной старости, в-третьих, старость большинству стариков потому ненавистна, что в обществе преобладают негативные стереотипы старости.

Наиболее ярко и значимо уважение к старости проявляется в межпоколенных отношениях. Цицерон

пишет, что с возрастом потребность в общении усиливается: «...я весьма благодарен старости за то, что она усилила во мне жадность к беседе» [Цицерон, 1999, с. 35]. Старые люди испытывают потребность в общении как с ровесниками, так и с молодыми, но не со всякими молодыми, а с достойными. Точно так же молодые испытывают потребность в общении со старыми, но не со всякими. Общение молодых и старых тогда является продуктивным, когда оно взаимно обогащает, является взаимно выгодным.

Философ так опровергает представление о том, что старики противны другим: «Скорее приятны, чем противны; ибо подобно тому, как мудрые старики наслаждаются общением с молодыми, людьми, наделенными хорошими природными качествами, и более легкой становится старость тех, кого юношество почитает и любит, так молодые люди ценят наставления стариков, ведущие их к упражнениям доблести [Цицерон, 1999, с. 21–22]. И далее: «И право, что может быть приятнее старости, окруженной вниманием юношества?» [Цицерон, 1999, с. 23]. Причина же нескладывающихся взаимоотношений – в соотношении психологических особенностей тех и других, в соотношении особенностей характера. В любом возрасте, в том числе и в старости, способствуют общению сдержанность, уживчивость и доброта.

Существуют по крайней мере две веские причины, из-за которых межпоколенные отношения в старости приобретают особое значение. Во-первых, ровесники уходят из жизни, и общение с молодыми может компенсировать образовавшийся дефицит. Во-вторых, в межпоколенных отношениях удовлетворяется потребность старшего поколения поделиться накопленным профессиональным и личным опытом.

Наставничество – это та сфера деятельности, где пожилой человек может себя реализовать и ощущать себя полезным, даже тогда, когда физические силы значительно ослабевают. «Неужели мы не признаем за старостью даже и таких сил, чтобы она могла обучать молодых людей, их воспитывать и наставлять к выполнению всяческих задач, связанных с долгом? Что может быть более славно, чем такая деятельность? Лично мне Гней и Публий Сципионы и два твоих деда... казались баловнями судьбы, так как их всюду сопровождали знатные юноши, и всех наставников в высоких науках надо считать счастливыми, даже если они состарились и ослабели» [Цицерон, 1999, с. 24].

Таким образом, взаимно обогащающие межпоколенные отношения являются важным фактором, способствующим адаптивному старению. Неудовлетворенность человека на склоне лет своими межпоколенными отношениями – признак его дезадаптивной старости. Молодые не против наставничества старых, не против подражания им, но пример должен быть достойным. Наставничество приносит старшему поколению большое удовлетворение, поскольку опыт старших оказывается востребованным и, следовательно, они чувствуют себя нужными. Именно наставничество может стать основанием для полноценного межпоколенного общения. При этом наставничество проявляется как в обучении, так и в воспитании, при передаче нравственного опыта. А это возможно, когда сам пожилой человек является образцовым носителем такового, и физическая сила здесь не является критерием. Кроме того, общество воспринимает наставничество как социально одобряемую деятельность, которая оборачивается для стариков почетом и уважением. Цицерон неоднократно подчеркивал, что «венец старости – авторитет» [Цицерон, 1999, с. 44]. Наконец использование опыта стариков – важный ресурс и общества в целом.

Наиболее подробно в трактате Цицерона рассмотрена проблема ответственности самих стариков за форму их старости – именно по этому вопросу приведено больше всего аргументов и примеров. Практически в самом начале своих рассуждений о старости Цицерон устами Катона Старшего заявляет: «Тем людям, у которых у самих нет ничего, что позволило бы им жить хорошо и счастливо, тяжек любой возраст, но тем, кто ищет всех благ в самом себе, не может показаться злом ничто, основанное на неизбежном законе природы. А в этом отношении на первом месте стоит старость» [Цицерон, 1999, с. 9]. Иначе говоря, источник благополучной старости в самом человеке. Впрочем, это касается любого возраста. Исключительность старости состоит в том, что она требует гораздо больше внутренних самостоятельных усилий, поскольку, с одной стороны, общество освобождает старых людей от обязательных дел, с другой – у пожилых ослабевают физические силы, с третьей – приходится противостоять негативным социальным стереотипам. Поэтому есть искушение списать собственные недостатки и лень на старость. «Ведь неразумные люди относят свои собственные недостатки и проступки за счет старости» [Цицерон, 1999, с. 15].

Для того чтобы старость была счастливой, человек должен решить целый ряд сложных задач. При этом совершенно не обязательно, чтобы человек в зрелые и молодые годы был склонен к героическим поступкам. «Не все, однако, могут быть Сципионами или Максимами и вспоминать о завоевании городов, о сражении на суше и на море, о войнах, какие они вели, о своих триумфах. Также и жизни, прожитой спокойно, чисто и красиво, свойственна тихая и легкая старость» [Цицерон, 1999, с. 15].

Каковы же эти задачи, с точки зрения Цицерона? Одна из них – принятие старости как естественного закона природы. Такое отношение (готовность к старению) должно формироваться на более ранних жизненных этапах. Но при этом принятие процесса старения вовсе не означает досрочного примирения со старостью. Катон Старший так объясняет свою работоспособность и активность в свои 85 лет: «Ведь я никогда не соглашался со старинной и часто приводимой пословицей, советующей становиться стариком рано, если хочешь пробыть стариком долго; лично я предпочел бы прожить как старик меньше времени, а не стать стариком раньше, чем стану им в действительности» [Цицерон, 1999, с. 25–26]. Цицерон формулирует очень важный тезис: «Старости надо сопротивляться» [Цицерон, 1999, с. 27]. Данная задача очень важна, поскольку большинство стариков старость ненавидят, воспринимают ее как очень тяжелое бремя. Старость без тяжких переживаний по этому поводу вызывает изумление. Следовательно, в эпоху античности еще не приходится говорить об устоявшейся культуре старения, но уже есть образцы, к которым следует стремиться.

Таким образом, можно считать отношение к старости одним из элементов мировоззрения человека. Это отношение закладывается еще в молодости. Осмысление сущности старости, ее рациональная рефлексия стареющими людьми позволяет избавляться от представлений о старости как о тягостном бремени, и это способствует полноценному проживанию этого возраста жизни. Причем ответственность за неготовность к старению лежит на самом человеке.

Вторая важная задача адаптивной старости – это забота о своем здоровье. Цицерон считал, что состояние здоровья в старости во многом зависит от образа жизни в молодости: «...упадок сил сам по себе вызывается пороками молодости чаще, чем недугами старости; развратно и невоздержанно проведенная молодость передает старости обессиленное тело» [Цицерон, 1999, с. 24]. Что касается сохранения сил и здоровья в старости, то это в значительной степени зависит от активности самого человека. «Что у тебя есть, тем тебе и подобает пользоваться, и все, что бы ты ни делал, делать в меру своих сил» [Цицерон, 1999, с. 23].

Участие в делах приносит человеку удовлетворение. Но при этом философ подчеркивал, что в старости надо использовать свои силы умеренно, если же сил не станет, не следует сожалеть об этом. «Жизнь течет определенным образом, и природа идет единым путем, и притом простым, и каждому возрасту дано его время, так что слабость детей, пылкость юношей, строгость правил у людей зрелого возраста и умудренность старости представляются, так сказать, естественными чертами характера, которые надлежит приобретать в свое время... Так, упражнение и воздержность могут даже в старости сохранить человеку некоторую долю его былых сил» [Цицерон, 1999, с. 26–27]. И далее: «Старости надо сопротивляться... а недостатки, связанные с нею, возмещать усердием; как борются с болезнью, так надо бороться и со старостью: следить за своим здоровьем... прибегать к умеренным упражнениям, есть и пить столько, сколько нужно для восстановления сил, а не для их угнетения. При этом надо поддерживать не только тело, но в гораздо большей степени ум и дух; ведь и они, если в них, как в светильник, не подливать масла, гаснут от старости; тело наше, переутомленное упражнениями, становится более тяжелым; но ум от упражнений становится более гибок» [Цицерон, 1999, с. 27–28].

Третья важная задача адаптивной старости, о которой пишет Цицерон, состоит в том, чтобы постоянно тренировать свои интеллектуальные способности. Это необходимо делать, чтобы до конца жизни сохранять твердую память и здравый ум. Доказывая, что человек до конца своих дней может эффективно использовать свой ум, философ приводит множество примеров современников и известных предков, которые «сохранили свой разум до последнего вздоха» [Цицерон, 1999, с. 23]. В том числе это пример самого Катона Старшего: «Я работаю над седьмой книгой «Начал»; собираю все воспоминания о древности, теперь особенно тщательно обрабатываю речи, произнесенные мною при защите во всех знаменитых делах; рассматриваю авгуральное, понтификальное и гражданское право; много занимаюсь и греческой литературой, и, по способу пифагорейцев, чтобы упражнять

память, вспоминаю вечером все то, что я в этот день сказал, услышал, сделал. Вот упражнения для ума, вот ристалище для мысли!» [Цицерон, 1999, с. 29].

Большую роль не только в поддержании и развитии когнитивных процессов, но и развитии личности в целом играет образование, освоение в период старения новых видов деятельности. Так, Сократ стал играть на лире, Катон Старший стал изучать греческую литературу, а «Солон... в стихах своих хвалится тем, что он на старости лет каждый день постигает что-нибудь новое» [Цицерон, 1999, с. 22]. В целом следует отметить, что все люди, которых Цицерон в трактате приводит в качестве примеров достойной старости, – это люди образованные, стремящиеся к саморазвитию.

Таким образом, чтобы старость была достойной, человек постоянно должен учиться. С возрастом потребность в саморазвитии не исчезает, поэтому начать учиться никогда не поздно. Более того, чем больше человек учится, тем больше развиваются его интеллектуальные способности. Бывает, что «тело наше, переутомленное упражнениями, становится более тяжелым; но ум от упражнений становится более гибок» [Цицерон, 1999, с. 28]. Духовное развитие не имеет возрастного предела, если человек постоянно занимается самообразованием. Пожилой человек усваивает новые знания и может ими успешно пользоваться. Сам интеллектуальный труд приносит наслаждение. Более того, примеры успешного обучения в старости положительно влияют как на сверстников, так и на молодых, побуждая их следовать такому примеру.

Четвертая важная задача адаптивной старости – это упорядочение и обобщение собственного опыта. В связи с этим обращает на себя внимание то, что среди перечисленных важных дел Катон Старший говорит об учете своих прошлых достижений и о приведении дел в порядок. По содержанию это совпадает с задачей поздней взрослости, которую Э.Эриксон [Эриксон, 1996] сформулировал как интеграцию жизненного пути, как достижение целостности личности. Достижению интеграции жизненного пути способствуют воспоминания: «Сбор плодов состоит в старости, как я говорил уже не раз, в полноте воспоминаний и в благах, приобретенных ранее» [Цицерон, 1999, с. 49]. При этом воспоминания о нравственных деяниях, прошлых достижениях могут быть тем субъектным ресурсом, который поддерживает самоуважение и способствует удовлетворенности жизнью в старости.

Пятая задача адаптивной старости состоит в том, чтобы найти занятие в соответствии со своими знаниями, способностями. Снижение физических возможностей с возрастом вовсе не означает ослабление интеллектуальных, духовных сил. Даже существенные ограничения, вызванные болезнями, не умаляют опыт, который человек может использовать в целом ряде дел. «Старость Аппия Клавдия была отягощена еще и слепотой. Тем не менее, когда сенат склонялся к заключению мирного договора с Пирром, то Аппий Клавдий, не колеблясь, высказал то, что Энний передал стихами:

«Где же ваши умы, что шли путями прямыми
В годы былые, куда, обезумев, они уклонились?» [Цицерон, 1999, с. 17].

Более того, есть виды деятельности, в которых старость более успешна, чем молодость. В качестве доказательства Цицерон приводит аналогию с кормчим: «...те, кто отказывает старости в возможности участвовать в делах... подобны людям, по словам которых кормчий ничего не делает во время плавания, между тем как одни моряки взбираются на мачты, другие спуют между скамьями, третьи вычерпывают воду из трюма, а он, держа кормило, спокойно сидит на корме. Он не делает того, что делают молодые, но, право, делает гораздо большее и лучшее; не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями, и старость обыкновенно не только не лишает этой способности, но даже укрепляется в ней» [Цицерон, 1999, с. 17–18].

Роль постоянной занятости в жизни стареющего человека философ сформулировал следующим образом: «...человек, всегда живущий своими занятиями и трудами, не чувствует, как к нему подкрадывается старость; так он стареет постепенно и неощутимо, и его век не переламывается вдруг, а гаснет в течение долгого времени» [Цицерон, 1999, с. 29].

Среди достойных занятий, доступных старости, Цицерон называет использование своего опыта и знаний в государственных делах («Оказываю помощь друзьям, часто прихожу в сенат, добровольно

приношу туда плоды зрелого и долгого размышления...» [Цицерон, 1999, с. 29]); Цицерон говорит также о самообразовании, досуге, наставничестве, занятиях наукой, сельским хозяйством, земледелием, животноводством и т.п.

Земледелию Цицерон уделяет особенно много внимания. Философ даже считает, что получение наслаждения от земледелия «наиболее соответствует образу жизни мудреца» [Цицерон, 1999, с. 38]. Какие же преимущества, с точки зрения Цицерона, дает занятие сельским хозяйством? Их много: прибыль; удовольствие от самого процесса возделывания земли, ухода за растениями, сбора урожая; сознание «исполняемого долга (ведь земледелие приносит пользу всему человеческому роду)» [Цицерон, 1999, с. 41]; земледелие требует и знаний, а следовательно, и интеллектуальных усилий; земледелие – это и труд, и отдых в старости; жизнь на природе полезна для здоровья; немаловажным является и эстетическое наслаждение, связанное с любованием природой. Еще одно преимущество связано с практическим отсутствием возрастных ограничений: «возраст нам не препятствует до глубокой старости усердно заниматься как прочими делами, так и, прежде всего, сельским хозяйством. А Марк Валерий Корвин? Мы знаем, что он продолжал им заниматься до своего столетия, когда он, достигнув преклонных лет, стал жить в деревне и обрабатывать землю» [Цицерон, 1999, с. 44].

Таким образом, у каждого возраста свои ресурсы, и ими надо пользоваться. Важно при этом рефлексировать свои возможности. Иначе говоря, адаптивная старость предполагает постоянный труд, но труд в соответствии со своими возможностями. Когда человек реализует тот ресурс, который у него есть, он испытывает удовольствие и не страдает от того, что у него есть какие-то недостатки.

Шестая важная задача адаптивной старости – это принятие своей смертности. Цицерон считает, что «...смерть либо надо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже надо желать, если она ведет его туда, где он станет вечен» [Цицерон, 1999, с. 47]. К принятию мысли о неизбежной смерти надо готовиться с молодости, поскольку страх смерти мешает жить полноценно. («Как сможет сохранить твердость духа человек, боящийся смерти, ежечасно угрожающей ему?») [Цицерон, 1999, с. 51]). Для дезадаптивной старости характерны две крайности: либо досрочное примирение со старостью, либо страх смерти. Цицерон считал, что в старости «старикам не должны ни жадно хвататься за эту часть жизни, оставшуюся им, ни покидать ее без причины» [Цицерон, 1999, с. 50].

Что же помогает человеку примириться с неизбежностью смерти? Во-первых, вера в бессмертие человеческой души («Если я здесь заблуждаюсь, веря в бессмертие человеческой души, то заблуждаюсь я охотно и не хочу, чтобы меня лишали этого заблуждения, улаждающего меня, пока я жив... Если нам не суждено стать бессмертными, то для человека все-таки желательно угаснуть в свое время; ведь природа устанавливает для жизни, как и для всего остального, меру; старость же – заключительная сцена жизни, подобная окончанию представления в театре. Утомления от нее мы должны избегать, особенно тогда, когда мы уже удовлетворены» [Цицерон, 1999, с. 58]). Во-вторых, человеку помогает мысль о возможной встрече с предками. «Я, со своей стороны, охвачен стремлением увидеть ваших отцов, которых я почитал и любил, и хочу встретиться не только с теми, кого я знал, но и с теми, о ком я слышал, читал и писал сам» [Цицерон, 1999, с. 56–57]. В-третьих, человеку помогает примириться с неизбежностью смерти мысль о том, что добрые дела останутся в памяти потомков.

В трактате есть еще одна очень важная мысль о том, что при адаптивном старении, когда человек выполнил все задачи, то исчезает страх смерти, а появляется естественное желание уйти в небытие («...удовлетворение всех стремлений приводит к удовлетворенности жизнью. ... И вот, как исчезают стремления, свойственные более ранним возрастам, так же исчезают и старческие стремления. Всякий раз, как это наступает, удовлетворенность жизнью делает своевременным приход смерти» [Цицерон, 1999, с. 52]). Иначе говоря, показателем адаптивного старения является отсутствие страха смерти: «все мудрейшие люди умирают в полном душевном спокойствии, а все неразумнейшие – в сильнейшем беспокойстве» [Цицерон, 1999, с. 56]. Кроме того, показателем адаптивного старения является принятие своего возраста, отсутствие желания прожить жизнь заново, отсутствие жалоб на жизнь.

Таким образом, Цицерон в своем трактате фактически выделил шесть основных задач развития в период старости. В зависимости от их решения старение человека является адаптивным или

дезадаптивным. В число этих задач входят: принятие своего возраста как полноценного; ведение здорового образа жизни и поддержание своей физической формы; постоянные умственные упражнения и поддержание за счет этого своей интеллектуальной сохранности; постоянная занятость, использование своих ресурсов в различных видах деятельности; осмысление прожитой жизни; принятие мысли о неизбежности смерти.

Социально-психологический анализ трактата Цицерона «О старости» показал, что идеи этого философа и сегодня являются эвристичными, он предвосхитил современное понимание культуры старения [Лемиш, 2006; Лемиш, 2012]. В частности, выделенные Цицероном факторы, определяющие формирование той или иной формы старения, позволяет нам говорить о трех уровнях проявления этой культуры. На макросоциальном уровне геронтокультура проявляется в представлениях о старости, господствующих в обществе, а также тех правах, возможностях, которые предоставляет общество для самореализации стареющего человека. На мезосоциальном уровне геронтокультура проявляется в межличностных отношениях. Здесь на первый план выступает характер межпоколенных отношений. Наконец, на микроуровне – уровне конкретного человека – геронтокультура проявляется в субъектности жизни и деятельности – в активности человека и в его ответственности за самореализацию, за саморазвитие, за свой жизненный путь в целом.

[Литература](#)

Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт психологии РАН, 2006.

Краснова О.В. Личность пожилого человека: социально-психологический подход: дис. ... д-ра психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 2006.

Лемиш В.В. Геронтокультура как социально-психологический феномен. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, 2012, №. 148, 34–44.

Лемиш В.В. Феномен геронтокультуры: проблемы исследования. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, 2006, 6(14), 18–37.

Цицерон М.Т. [Cicero M.T.] О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Эксмо-Пресс, 1999.

Эриксон Э.Г. [Erikson E.H.] Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: АСТ, 1996.

Поступила в редакцию 16 апреля 2013 г. Дата публикации: 30 июня 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Лемиш Вера Васильевна. Кандидат психологических наук, доцент (ученое звание), доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, социально-гуманитарный факультет, Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, проспект Мира, д. 55а, 644077 Омск, Россия. E-mail: verlem2004@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Лемиш В.В. Социально-психологические аспекты представлений Цицерона о культуре старения. Психологические исследования, 2013, 6(29), 9. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Лемиш В.В. Социально-психологические аспекты представлений Цицерона о культуре старения // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/834-lemish29.html>

[К началу страницы >>](#)